

Язык свидетельства, язык катастрофы

Никита Быстров

От переводчика

Nikita Bystrov
From the Translator

Интервью Жака Деррида израильской писательнице и переводчице Михаль Бен-Нафтали было записано 8 января 1998 года в Иерусалиме по инициативе Мемориального центра истории Холокоста «Яд ва-Шем» и опубликовано в 1999 году на иврите в журнале «Теория и критика» (*Теория увикорет*)¹ под названием «Этика памяти» (*Этика шель зикарон*), предложенным тогдашним редактором журнала Ади Офиром. Информация об обстоятельствах, которые можно считать контекстуально значимыми для этого интервью — в событийном, философском и в некоторой мере психологическом плане, — дается в предисловии Михаль Бен-Нафтали к его переизданию, вышедшему отдельной брошюрой в тель-авивском издательстве «Реслинг» в 2017 году. Приведем несколько фрагментов из этого текста.

Это был второй визит Деррида в Израиль. В Еврейском университете, в кампусе, расположенном в Гиват Раме, он прочитал лекцию об идее прощения, со ссылками на сочинения франко-еврейского философа, выходца из России Владимира Янкелевича и на закон об отмене срока давности для преступлений против человечности — преступлений, которые по определению не могут быть прощены. А за день до интервью в тель-авивском Оперном театре Деррида говорил о гостеприимстве. При рассмотрении обеих тем, со временем развернутых в его книгах, использовались характерные для Деррида апоретические формулировки, в которых каждая идея располагается как бы между двумя противоположными осями: с одной стороны, осью возможного и обусловленного, а с другой — осью невозможного, безусловного, абсолютного. В этих терминах Деррида описывал обыч-

1 Журнал культурно-философской и общественно-политической тематики, издаваемый с 1991 года иерусалимским Институтом Ван Лира совместно с издательством «Га-кибуц га-мейухад».

ное, безусловное гостеприимство, реагирующее на изменчивые геополитические ограничения и осознанно или неосознанно противостоящее чистой идее абсолютного, безусловного гостеприимства. Чрезмерное гостеприимство лишает определенности как само различие между гостем и тем, кто его принимает, так и чувство собственности этого последнего по отношению к тому, что он называет своим домом. В сходной манере Деррида говорил в Иерусалиме об идее абсолютного, безусловного прощения, противоположной обычным представлениям о прощении, которое обусловлено просьбой о нем, например, просьбой о прощении, адресуемой преступником своей жертве².

Судя по всему, тель-авивская и иерусалимская аудитория (с которой отчасти сближает себя и Бен-Нафтали) несколько отчужденно приняла выступления французского философа:

Это весьма необычное движение между абстрактным и конкретным, меланхолический момент отстранения от мира ради мысли, даже когда от нее ждут решения политической проблемы, настоятельная потребность Деррида во внимании и времени [слушателя] — все это предполагало близость с аудиторией и, по сути, было устремлено к созданию этой близости. Но в то время, когда еще ни одна книга Деррида не была переведена на иврит (лишь примерно через два года появились, одна за другой, «Фармация Платона» в переводе Моше Рона и «Вокруг Вавилонских башен» в моем переводе), не было ни малейшей готовности к его яркому дискурсивному жесту. Напротив, встреча в Тель-Авиве подчеркнула отсутствие близости, растерянность, смущение, а разговор, состоявшийся на следующий день, зимним пятничным полднем в иерусалимском районе Мишкенот Шаананим (собственно интервью. — Н.Б.), был отмечен — пусть косвенно, неявно — чувством дискомфорта и, возможно, даже разочарования (с. 10).

Михаль Бен-Нафтали отмечает, что некоторые вопросы, затронутые в беседе с Деррида, обсуждались в других его интервью или в иных текстах, с ним связанных. Это, в частности,

детство Деррида в колониальном Алжире, радикальное несходство опыта алжирских и французских евреев в годы войны... условия формирования позиции, отвергающей исключительную принадлежность к группе и тем более возможность трансформации трагических обстоятельств в чувство привилегированности и априорной избранности; вопрос об уникальности понятий «Аушвиц» или «Шоа», связь между Шоа и другими случаями геноцида и т.д. Вместе с тем в этом интервью есть высказывания, которые, насколько мне известно, в других контекстах не появлялись, и, прежде всего, это [признание в] запоздалом раскаянии, которое Деррида испытывает из-за написанного им о его друге Поле де Мане во время бурного «дела де Мана» в американской академии, связанного с обнаружением статей о литературе, публиковавшихся де Маном в бельгийской коллаборационистской газете «Ле Суар» с 1940 по 1942 г. (с. 12–13).

2 Бен-Нафтали М. Диврей маво // Га-этика шель га-зикарон: рэайон им Жак Деррида бе «Яд ва-Шем» / мерайенет Михаль Бен-Нафтали, мецарфатит Моше Рон [Бен-Нафтали М. Предисловие // Этика памяти: интервью с Жаком Деррида / интервьюер Михаль Бен-Нафтали, пер. с французского Моше Рон]. Тель-Авив: Реслинг, 2017. С. 8–9. Далее цитируется с указанием номера страницы в скобках.

По поводу еще одной примечательной особенности интервью — драматического обострения диалога, под знаком которого проходит вся его финальная часть, Бен-Нафтали пишет:

За годы, прошедшие после интервью, я ни разу его не перечитывала. Тут и там слышала разные отклики на него, но читать не хотела. Я смутно припоминала тот конфликтный момент, когда спросила Деррида об использовании в его сочинениях слова «холокост». Помнила, что настаивала на чем-то и что из всех прочих моментов интервью, спланированных заранее, это была единственная спонтанная часть, которая как бы сама собой вспыхнула в нашем диалоге. Я не перечитывала интервью также и потому, что, как мне казалось, я буду сожалеть об этой части, и потому еще, что знала, что если бы провела эту беседу несколькими годами позже, то выбрала бы другую линию поведения... наконец, потому что я чувствую, что сейчас его ответы мне гораздо ближе, чем казалось в тот момент. То, что так задевало меня тогда и было причиной моего протеста, теперь не задевает, не в такой форме (с. 13).

Напоследок процитируем заключительный фрагмент предисловия Михаль Бен-Нафтали, неожиданным образом подтверждающий мысль Деррида о том, что архив — это место не только хранения, но и забывания информации, и объясняющий, почему «нам остается только перевод» этого интервью:

Зимний день в Мишкенот Шаананим, в присутствии Амоса Гольдберга³, работавшего тогда в «Яд ва-Шем», и тамошнего оператора, которому было поручено записать интервью на видео. По окончании разговора выяснилось, что в кадре — только один Деррида. И он, весьма удивленный, попросил заново отснять мою часть и включить ее в фильм. Через полгода, в самый разгар лета, я была приглашена повторно исполнить мою роль в интервью, на сей раз с помощью другого оператора. Нелепое (даже в плане одежды) гибридное творение (по-видимому, результат вклейки новой записи в копию старой. — *Н.Б.*) было отправлено Деррида. Исходная кассета с записью интервью, на которой, как уже сказано, был снят только он один, осталась на хранении в «Яд ва-Шем». Когда я попросила найти ее, чтобы еще раз прослушать оригинальную версию (по ней Моше Рон⁴ сделал перевод на иврит и английский), обнаружилось, что она исчезла. Как будто земля поглотила ее. И нельзя сказать, что это никак не связано с динамикой архива, столь хорошо описанной Деррида, и с функциями хранителей-архонтов, классифицирующих и толкующих, напоминающих и забывающих. То, что нам остается, — только перевод (с. 16).

3 Амос Гольдберг — историк, профессор Еврейского университета в Иерусалиме, специалист по истории холокоста.

4 Моше Рон — филолог, переводчик с французского и английского языков, почетный профессор Еврейского университета в Иерусалиме.